

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.177.197>

«Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан)

© 2023 г. Лукпанова Я., Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Urysay-2, early Iron Age, animal style, stone-cutting art, interdisciplinary research

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, Урысай-2, ерте темір ғасыры, аң стилі, тас кесу өнері, пәнаралық зерттеулер

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Урысай-2, ранний железный век, звериный стиль, камнерезное искусство, междисциплинарные исследования

Yana Lukpanova¹, Mikhail Antonov², Gulnara Jumabekova², Galiya Bazarbayeva^{2*}

¹Senior Researcher, West Kazakhstan Regional Museum of Local History, Uralsk, Kazakhstan.

E-mail: lukpanovayana@gmail.com

²Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: xeofox@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: gdzhuma@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: galiya2002@gmail.com

“A boar that kills at one stroke”: based on the materials of the Sarmatian time complex Urysay-2 (Western Kazakhstan)

Abstract. The article presents the results of an interdisciplinary study of a zoomorphically decorated altar from the Urysay-2 complex (5th century BC). Using the capabilities of the photogrammetry method (Agisoft Metshape software, as well as CloudCompare, MeshLab, etc.), an analysis of a stone product containing animal-style images on the surface was performed. The peculiarity of this method is that the created three-dimensional model allows you to conduct a thorough study without compromising the authentic subject. The analyzed object is a fine example of the stone-cutting art of the ancient population of the region. The tradition of artistic stone carving distinguishes Western Kazakhstan from other regions of the country, where the ancient art of sculpture manifested itself in the development of other materials – metal (Zhetysay, Aral-Caspian, Saryarka, Altai), bone/horn (Western and Central Kazakhstan), wood, felt (Altai). The last two components, of course, were distributed throughout the entire expanse of the steppe belt of Eurasia. However, in this case, we are referring to finds from mounds with permafrost. The analysis of the image of the boar in the art of the population of the early Iron Age allows us to conclude about the mediative nature of the beast.

Funding source: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP14870513.

For citation: Lukpanova, Ya., Antonov, M., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G. 2023. “A boar that kills at one stroke”: based on the materials of the Sarmatian time complex Urysay-2 (Western Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 177–197 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.177.197](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.177.197)

Яна Лұқпанова¹, Михаил Антонов²,
Гүлнара Жұмабекова², Галия Базарбаева^{2*}

¹аға ғылыми қызметкер, Батыс Қазақстан облыстық
тарихи-өлкетану музейі, Орал, Қазақстан

²ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

²тарих ғылымдарының кандидаты,
жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

**«Бірден өлтіретін қабан»: Урысай-2 сармат кезеңі
кешенінің материалдары бойынша
(Батыс Қазақстан)**

Аннотация. Мақалада Урысай-2 (б.д.д. V ғ.) кешенінен алынған зооморфты безендірілген құрбандық тасына жүргізілген пәнаралық зерттеу нәтижелері келтірілген. Фотограмметрия әдісінің (Agisoft Metshape бағдарламалық қамтамасыз ету, сонымен қатар CloudCompare, MeshLab және т. б.) мүмкіндіктерін пайдалана отырып бет жағында аң стиліндегі жануарлардың суреттері бар тастан жасалған бұйымға талдау жасалды. Бұл әдістің ерекшелігі – жасалған үш өлшемді модель түпнұсқа затқа нұсқан келтірмей мұқият зерттеу жүргізуге мүмкіндік береді. Талданатын зат аймақтың ежелгі тұрғындарының тас кесу өнерінің тамаша үлгісі болып табылады. Тастан көркем ою дәстүрі Батыс Қазақстанды ежелгі өнердің пластикасы басқа да материалдарды: металды (Жетісу, Арал-Каспий, Сарыарқа, Алтай), сүйекті/мүйізді (Батыс және Орталық Қазақстан), ағашты, киізді (Алтай) пайдаланған еліміздің басқа аймақтарынан ерекшелендіреді. Соңғы екі компонент, Еуразия дала белдеуінің бүкіл кеңістігіндегі территорияларда сөзсіз тараған. Алайда, бұл жағдайда біз мәңгі мұзды обалардан табылған заттарды айтамыз. Ерте темір дәуіріндегі тұрғындардың өнеріндегі қабан бейнесін талдау аңның медиативті табиғаты туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР 14870513 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Лұқпанова Я., Антонов М., Жұмабекова Г., Базарбаева Г. «Бірден өлтіретін қабан»: Урысай-2 сармат кезеңі кешенінің материалдары бойынша (Батыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 1 (19). 177–197-бб. (Орысша). DOI: 10.52967/akz2023.1.19.177.197

Яна Лукпанова¹, Михаил Антонов²,
Гүлнара Джумабекова², Галия Базарбаева^{2*}

¹старший научный сотрудник,
Западно-Казахстанский областной историко-
краеведческий музей, г. Уральск, Казахстан

²научный сотрудник,

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

²кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, ведущий научный сотрудник,

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

**«Мгновенно убивающий вепрь»:
по материалам комплекса сарматского времени
Урысай-2 (Западный Казахстан)**

Аннотация. В статье изложены результаты междисциплинарного исследования зооморфно декорированного жертвенника из комплекса Урысай-2 (V в. до н.э.). С использованием возможностей метода фотограмметрии (программное обеспечение Agisoft Metshape, а также CloudCompare, MeshLab и др.) выполнен анализ каменного изделия, содержащего на поверхности изображения животных в зверином стиле. Особенность данного метода заключается в том, что созданная трехмерная модель позволяет провести тщательное исследование без ущерба для аутентичного предмета. Анализируемый предмет представляет собой прекрасный образец камнерезного искусства древнего населения региона. Традиция художественной резьбы по камню выделяет Западный Казахстан на фоне других регионов страны, где пластика древнего искусства проявилась в освоении других материалов – металла (Жетысу, Арало-Каспий, Сарыарка, Алтай), кости/рога (Западный и Центральный Казахстан), дерева, войлока (Алтай). Последние два компонента, безусловно, были распространены на территории всего пространства степного пояса Евразии. Однако в данном случае имеются в виду находки из курганов с мерзлотой. Анализ образа вепря в искусстве населения раннего железного века позволяет сделать заключение о медиативной природе зверя.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта АР 14870513.

Для цитирования: Лукпанова Я., Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г. «Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 1 (19). С. 177–197. DOI: 10.52967/akz2023.1.19.177.197

1 Введение (Базарбаева Г.)

Изобразительные памятники раннего железного века Казахстана демонстрируют шедевры древнего искусства, воплощенные в различных материалах: камне, металле, войлоке, дереве, кости/роге. За каждым предметом скрываются фрагменты насыщенной событиями истории региона, связь с которыми сохраняется на протяжении тысячелетий.

Предметом исследования настоящей статьи является каменный жертвенник на трёх ножках из комплекса Урысай-2 (рис. 1, 1), изучавшегося раскопками в полевом сезоне 2021 г. экспедицией Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея под руководством Я. Лукпановой [Лукпанова 2022: рис. 9]. Целью статьи ставится анализ стилистических особенностей изделия

Рис. 1. Локализация памятников, упоминаемых в статье: 1 – Урысай-2; 2 – Лебедёвка; 3 – Курайлы; 4 – Сынтас, Бесоба; 5 – Филипповка; 6 – Биш-Оба/Сара; 7 – Кичигино; 8 – Каинды; 9 – Зынгертау; 10 – Байконур; 11 – Тагискен; 12 – Сауыскандык; 13 – Жыланды; 14 – Нурманбет-2; 15 – Тасмола-5; 16 – Бирлік; 17 – Кызылшилик; 18 – Кестелетас; 19 – Талды-2; 20 – Ушбиик; 21 – Байке-2; 22 – Тамгалы; 23 – Иссык; 24 – Жалаулы; 25 – Ешкиолмес; 26 – Урджар/Тасарык; 27 – Елеке сазы; 28 – Шиликты; 29 – Тамураши; 30 – Берел; 31 – Ак-Алаха; 32 – Башадар; 33 – Пазырык; 34 – Аржан 1–2; 35 – Кош-Пей. Условные обозначения: а – могильник; б – петроглифы; с – клады, случайные находки; d – олений камень

1-сур. Мақалада аталған ескерткіштердің орналасуы: 1 – Ұрысай-2; 2 – Лебедёвка; 3 – Құрайлы; 4 – Сынтас, Бесоба; 5 – Филипповка; 6 – Биш-Оба/Сара; 7 – Кичигино; 8 – Қайыңды; 9 – Зыңғыртау; 10 – Байқоңыр; 11 – Түгіскен; 12 – Сауыскандық; 13 – Жыланды; 14 – Нұрманбет-2; 15 – Тасмола-5; 16 – Бірлік; 17 – Қызылшілік; 18 – Кестелітас; 19 – Талды-2; 20 – Үшбиік; 21 – Байке-2; 22 – Тамғалы; 23 – Есік; 24 – Жалаулы; 25 – Ешкіөлмес; 26 – Үржар/Тасарық; 27 – Елеке сазы; 28 – Шілікті; 29 – Тамураши; 30 – Берел; 31 – Ак-Алаха; 32 – Башадар; 33 – Пазырык; 34 – Аржан 1–2; 35 – Кош-Пей. Шартты белгілер: а – қорым; б – петроглифтер; с – көмбе, кездейсоқ олжалар; d – бұғы тас

Fig. 1. Localization of the sites mentioned in the article: 1 – Urysay-2; 2 – Lebedevka; 3 – Kuraili; 4 – Syntas, Besoba; 5 – Filippovka; 6 – Bish-Oba/Sara; 7 – Kichigino; 8 – Kaindy; 9 – Zyngertau; 10 – Baikonur; 11 – Tagisken; 12 – Sauyskandyk; 13 – Zhylandy; 14 – Nurmanbet-2; 15 – Tasmola-5; 16 – Birlik; 17 – Kyzylshilik; 18 – Kesteleetas; 19 – Taldy-2; 20 – Ushbiik; 21 – Bayke-2; 22 – Tamgaly; 23 – Issyk; 24 – Zhalauly; 25 – Eshkiolmes; 26 – Urjar/Tasaryk; 27 – Eleke sazy; 28 – Shilikty; 29 – Tamurashi; 30 – Berel; 31 – Ak-Alakha; 32 – Bashadar; 33 – Pazyryk; 34 – Arzhan 1–2; 35 – Kosh-Pey.

Symbols: a – burial ground; b – petroglyphs; c – hoards, accidental finds; d – deer stone

с использованием возможностей фотограмметрии. В процессе изучения предмета составлено его описание, получена серия снимков. Выполнена атрибуция находки.

Аналогичные по функциональному назначению предметы были распространены в Жетысу, Кыргызстане. Однако они выполнены из металла и представляют собой жертвенные столы, курильницы, котлы. Другое название, закрепившееся за этой категорией предметов, – «художественные бронзы Жетысу», так как в декоре изделий в большинстве случаев присутствуют антропо-, зоо-, орнитоморфные изображения, выполненные в зверином стиле, образующие наполненные определенным смыслом композиции и тесно связанные с формой и назначением предметов.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований (Антонов М.)

В ходе подготовки статьи анализировались полевая документация, отчеты, чертежи. Также был изготовлен «дубликат» жертвенника в виде трехмерной модели, полученной методом фотограмметрии. Для этих целей была произведена фотосъемка артефакта с помощью фотокамеры NIKON D7200 (объектив Nikkor 18-140). Объект помещался на вращающийся столик внутри фотобокса (сборная конструкция для равномерного освещения фотографируемого объекта). В результате съемки получен пакет из 242 фотоснимков. Для упрощения съемки, которая делалась с помощью захвата кадров и их записи на жесткий диск компьютера, использовалось программное обеспечение (далее ПО) с открытым кодом Entangle¹.

Далее, при обработке полученного фотоматериала с помощью ПО для создания моделей методом фотограмметрии – Agisoft Metshape, было получено облако точек (более 17 млн.). Затем построенная модель использовалась участниками проекта с помощью различного программного обеспечения, такого как MeshLab, CloudCompare, GigaMesh и Blender, для различного анализа, измерений и графической обработки. Применение выше перечисленного ПО весьма распространено в научной сфере, в частности в археологии [Антонов 2021]. Также стоит отметить полезность такого программного обеспечения как GigaMesh, с помощью которого модель была трансформирована по принципу развертки цилиндрической поверхности, что помогло в создании иллюстраций для данной публикации (рис. 2; 3, 2–4)².

Для простейшего анализа кривизны поверхности предмета, а точнее сказать: для демонстративного отображения ее особенностей, можно было воспользоваться шейдерами «Radiance Scaling» или «E.D.L.» (и др.) доступными в таком ПО, как MeshLab и CloudCompare [Антонов 2018]. Однако в рамках исследований было принято решение использовать «карту кривизны», также известную как «Curvature» текстура (*curvatura* от лат. – кривизна) [Дворецкий 1976: 281]. Данный метод весьма надежен и информативен, не только для анализа особенностей поверхности, но и для мониторинга объекта (напр.: разрушаемого) [Gatzke et al. 2005]. Для исследуемого жертвенника использовалась процедура генерирования текстуры с помощью нодов (*nodus* от лат – узел) [Дворецкий 1976: 674] в ПО для трехмерного моделирования Blender. Несмотря на то, что в сетке трехмерной модели жертвенника не достаточно полигонов для отображения мелких деталей, полезных для трасологических исследований (для получения более подробной модели методом фотограмметрии требуется более

¹ URL: <https://entangle-photo.org/> дата обращения: 18.01.2023 г.

² Все иллюстрации к статье подготовлены М. Антоновым

Рис. 2. Урысай-2, жертвенник. Вид с разных сторон
2-сур. Ұрысай-2, құрбандық тасы. Әр түрлі жағынан көрініс
Fig. 2. Urysay-2, the altar. View from different sides

крупный пакет, включающий наборы макрофотоснимков артефакта), результат генерированной «карты кривизны» оказался вполне удовлетворительным для некоторых исследований (рис. 3, 6).

2.2 Характеристика материала (Лукпанова Я., Базарбаева Г., Антонов М.)

Курганный комплекс Урысай-2 находится на р. Илек (Шынгырлауский р-н, Западно-Казахстанская обл.); состоял из 14 курганов, вытянутых цепочкой по оси З–В [Лукпанова 2022: рис. 2]. Раскопано три аварийных объекта № 5, 13, 14. Анализируемый предмет происходит из кургана № 13. Под его насыпью (диаметр – 26,0 м, высота – 1,0 м) была зафиксирована конструкция из бревен, выложенных по направлению С–Ю. Она опиралась на небольшие валы из грунтовых блоков, расположенных вокруг могил. Диаметр бревен составлял от 0,15 до 0,30 м. В кургане обнаружено пять ям: две – в центральной части и три – в периферийной, восточной части кургана [Лукпанова 2022: рис. 5].

Жертвенник выявлен в парном погребении, совершенном в могиле № 2. Анализ особенностей элементов сопроводительного комплекса позволяет предположить, что здесь захоронены мужчина

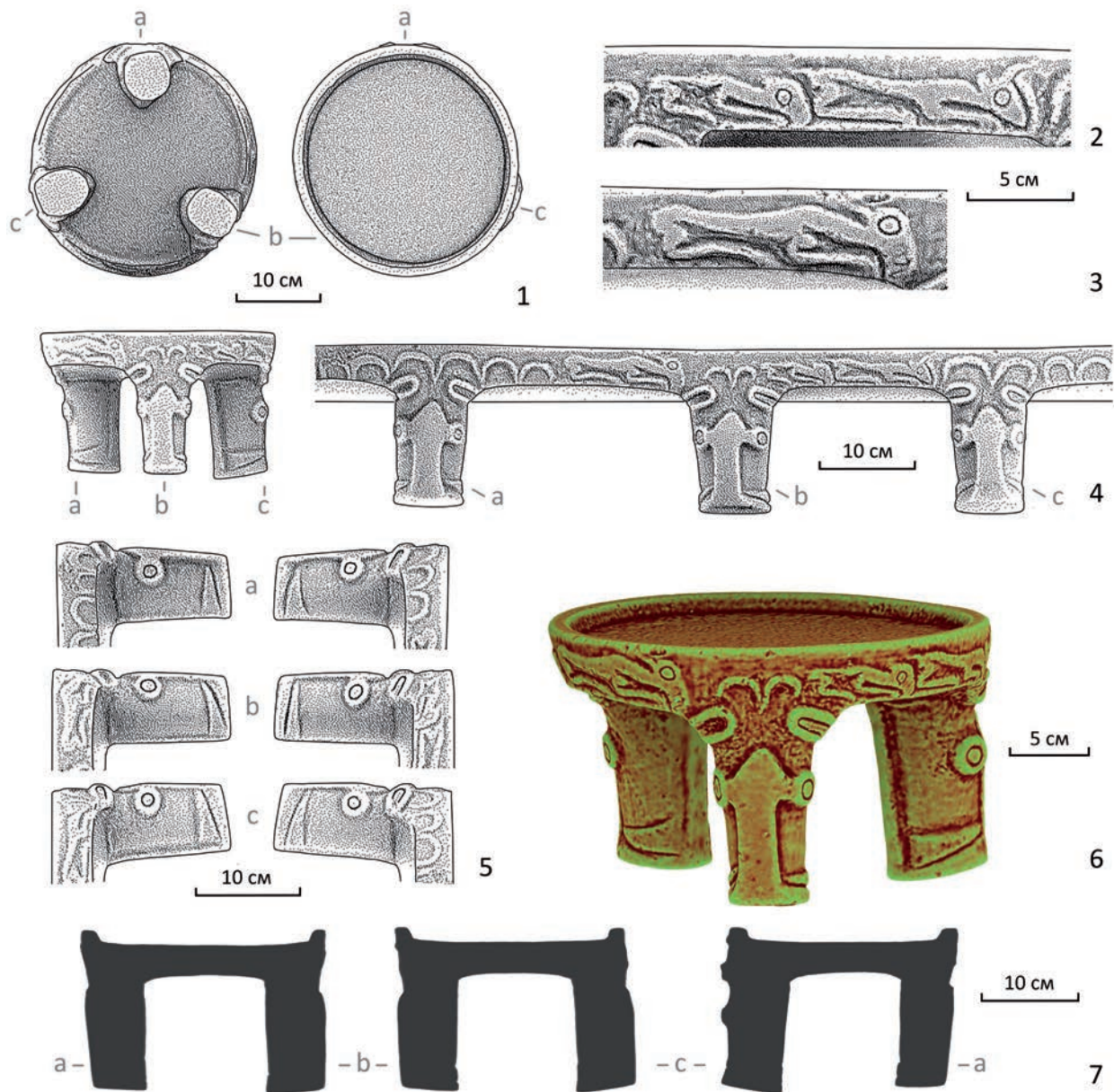

Рис. 3. Урысай-2, жертвенник: 1 – вид с разных сторон; 2, 3 – участки с изображением сайгаков; 4 – развернутая цилиндрическая проекция; 5 – ножки, вид с двух сторон; 6 – наложенная на модель текстура кривизны; 7 – сечения по линиям внешних центров ножек

3-сур. Ұрысай-2, құрбандық тасы: 1 – әр түрлі жағынан көрініс; 2, 3 – ақбөкендер бейнеленген бөліктер; 4 – кеңейтілген цилиндрлік проекция; 5 – аяқтар, екі жағынан көрініс; 6 – модельге салынған қисықтық құрылымы; 7 – аяқтың сыртқы орталықтары сызықтары бойынша кесінділер

Fig. 3. Urysay-2, altar: 1 – view from different sides; 2, 3 – sections with the image of saigas; 4 – expanded cylindrical projection; 5 – legs, view from both sides; 6 – texture of curvature superimposed on the model; 7 – sections along the lines of the outer centers of the legs

и женщина [Лукпанова 2022: 81]. Предметы, имеющие отношение к мужскому погребению, располагавшемуся в южной части могилы, представлены акинаком и колчаном, в котором находилось 79 трехлопастных бронзовых наконечников стрел.

Погребение женщины находилось у северной стенки могилы. Комплекс предметов, сопровождавших захороненную, разнообразен: различной формы и размеров бусины, браслеты; набор инструментов, в составе которого два ножа, предмет в виде прямого железного стержня, фрагмент шила (?); в изголовье находился каменный жертвенник, а рядом с ним – деревянная шкатулка.

Описание каменного жертвенника

Каменный жертвенник на трех ножках представляет собой изделие, выполненное в технике круглой скульптуры (рис. 2). Мастерски проработаны ножки, представляющие собой скульптурные изображения голов животных, обращенных в фас. В центральной части каждой ножки в высоком рельефе переданы такие содержательные элементы, как большие круглые глаза, лоб, нос, большие и острые клыки, тупое окончание морды; линии, подчеркивающие те или иные анатомические особенности, плавные. Углубленной бороздкой подчеркнуты контуры зрачков. Ушки маленькие, показаны плотно прижатыми к голове. Над каждой головой проработано по паре полукружьев, возможно, обозначающих мощный загривок. Такие признаки как мощный загривок, характерные особенности морды, клыки позволяют предположить, что в оформлении ножек жертвенника передан образ кабана³. Большие круглые глаза, возможно, отражают определенное состояние зверя.

Внешняя поверхность бортика жертвенника занята изображениями шести пар полукружьев и трех животных – двух взрослых и детеныша, вероятно, сайгаков, обращенных вправо. Отметим, что в одном случае пара полукружьев несколько меньших размеров, и именно она является границей, которая как бы разделяет зверей – самца с детенышем и самку. О том, что показана взрослая особь, свидетельствуют пропорции фигуры, а также наличие рога. Самка – безрогая.

Обращает на себя внимание последовательность расположения животных и полукружьев, вписанных в пространство между головами кабанов. Наблюдается следующая закономерность, проявляющаяся в парности элементов: два животных, два полукружья и пара, образованная из животного и полукружья (рис. 2).

Результаты обмеров предмета

Благодаря использованию ПО был вычислен общий объем каменного изделия – 3175 см³. Соответственно, при весе 7,25 кг плотность материала из которого изготовлен жертвенник равна 2283 кг/м³, что близко к плотности песчаника 2250–2670 кг/м³ [БРЭ]. Также стало известно, что объем и вес каждой, отдельной ножки (от контура основания) занимает 10–11% от общего объема и веса артефакта* (*вес – при условии, что состав породы камня однороден по всему телу объекта). Трехмерная модель жертвенника упростила некоторые сложности замеров, связанных с поверхностью исследуемого объекта. К примеру, площадь всей поверхности объекта составляет 2309 см², а декор занимает около 22% всей поверхности (расчет производился по внешним контурам элементов декора, без учета поверхности бортика). Объем жертвенника (блюдо) 770 см³ (0.77 литра).

Площадь всей наиболее гладкой, обработанной поверхности (напр.: наружная часть ножки) занимает около 18% всей площади тела объекта. Без учета площадей повреждений на поверхности объекта, грубая поверхность, (т. е. мало обработанная), такая как на участках между ушами кабана, занимает более 7% от всей площади тела артефакта. Оставшиеся, около 75% процентов поверх-

³ Благодарим П.А. Косинцева за консультацию.

ности с отличающейся на разных участках степенью обработки, можно условно охарактеризовать, как поверхность со средней гладкостью. Также стоит отметить, что с помощью карты кривизны некоторые детали метода нанесения декора становятся более очевидными, точнее сказать, что карта кривизны «подчеркивает» внутренние и внешние углы какой-либо поверхности (напр.: заметны различия в оформлении ушей кабана на ножках жертвенника) (рис. 3, 4, 5). Внутренний контур ушек справа (на рисунке), на ножках (а), (б) и оба ушка на ножке (с) выполнены процарапыванием, а внутренний контур ушек кабана, слева на ножках (а) и (б) сформирован углублением (с шероховатой поверхностью) по всей площади внутреннего контура ушка. Это хорошо заметно на изображении (рис. 2, б), где на переднем плане представлена ножка (б).

3 Анализ декора предмета (Джумабекова Г., Базарбаева Г.)

Образ кабана отмечен на территории Казахстана в памятниках как раннесакского времени, так и периода расцвета культуры ранних кочевников. Ранее была приведена таблица ряда целых изображений этого животного, отмеченных в древнем искусстве Казахстана [Бейсенов и др. 2015: 89, табл. 2]. В раннесакское время в Восточном Казахстане изображения кабана присутствуют в материалах кургана № 5 Шиликты (VII–VI вв. до н.э.) [Черников 1965: табл. XVII; XVIII], в материалах из Сарыарки образ кабана зафиксирован в декоре поясной пряжки из мог. Тасмола-5, кург. 3, на зеркалах из Жиланды/Жыланды (VIII – сер. VI в. до н.э.) и Бирлика, фигурная ручка-петелька которого, возможно, совмещает черты хищника и кабана (сер. VIII – начало VII в. до н.э.), а также на пронизи от конского снаряжения из мог. Нурманбет II, к. 3 (VIII – сер. VI в. до н.э.), в декоре костяного футляра из мог. Байке-2 (VII в. до н.э.), случайной находке из Тургая [Кадырбаев 1966: рис. 35; 62; Бейсенов, Минасян 2015; Бейсенов и др. 2017; Сеитов 2015] (см. табл.).

Изображения кабана известны и в сюжетах петроглифов на скальных поверхностях Юго-Восточного [Бейсенов, Марьяшев 2014: рис. 37, 38, 39, 39а, 40, 41; табл. VII, VIII], Восточного, Южного и Центрального Казахстана [Черников 1947; Кадырбаев, Марьяшев 1977; Новоженев 2002; Самашев 2006]. В Жетысу зафиксированы скальные плиты с изображениями козла, кабана и архара в одной сцене, обращенные головой в одну сторону – Ешкиолмес [Бейсенов, Марьяшев 2014: рис. 37]. Для петроглифов Сарыарки В.А. Новоженовым определена доля присутствия изображений кабанов и антилоп: по вычислениям автора, сделанным для байконурских петроглифов, процент присутствия первого животного определяется 0,11%, второго – 2,5%* (*здесь дан суммарный показатель по изображениям сайгака и антилопы) [Новоженев 2002: 26].

Вызывает интерес присутствие в ряде случаев в одной композиции кабана и травоядного животного (антилопа, лань, олень): зеркала из мог. Жыланды и Лебедевка, мифологический сюжет с изображениями животных в Сауыскандыке [Швец и др. 2008], так как здесь обозначена роль или представление о роли этих животных в картине мира древнего населения.

Прекрасный образец подобной композиции есть на зооморфно декорированном зеркале из мог. Лебедевка в Западном Казахстане [Тасмагамбетов 2003: 158–159] (VI–IV вв. до н.э.): на ручке размещено изображение головы хищной птицы, кабан упирается ногами и кончиком морды в голову синкретичного существа с рогами таутеке и клювовидной мордой. Можно предположить, что в данном случае иллюстрируется сцена оппозиции животных. Совмещение в одном комплексе – «синкретический персонаж и кабан» – представлено в материалах мог. Берел, кург. № 71 [Самашев 2011: 163, рис. 397]: поверхность одного клыка – элемента уздечного набора – декорирована резным изображением головы фантастического орнитоморфа, обращенного клювом к комлевой части.

В материалах Первого Пазырыкского кургана декор одного уздечного набора, изготовленного из дерева, содержал сцену противоборства кошачьего хищника и кабана, где последний показан в качестве жертвы, представленного сокращенно – клыком, узда № 2 [Руденко 1953: табл. XLII, 1, 2, 5; Грязнов 1950: рис. 7], здесь изображена голова барса с кабаньим клыком в пасти.

Курган Иссык. Изображение кабана есть на обеих сторонах акинака (V–III вв. до н.э.). Изображение зверя помещено в веренице животных, среди которых на одной стороне – змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; на другой – змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и половина туловища какого-то животного [Акишев 1978: ил. 40], кабан расположен между хищником и травоядным животным. Возможно, здесь отражается двойственная сущность животного – копытное, но опасное и свирепое.

Что касается алтарей, то, видимо, Урысай-2 – это не единственный случай, когда ножки каменного жертвенника оформлены в виде головы кабана. Известен, например, экземпляр из Западного Казахстана, ножки которого выполнены в виде головы животного, у которого ухо листовидное (даже «сердцевидное»), глаз округлый и клык, идущий снизу, лоб выпуклый, что позволяет предположить в нем кабана или синкретический обобщенный образ, совмещающий признаки вепря и хищника [Тасмагамбетов 2003: 48–49].

Таблица – Изображение кабана и антилопы в искусстве древнего населения Казахстана
Кесте – Қазақстанның ежелгі тұрғындары өнеріндегі қабан мен бөкеннің бейнесі
Table – Image of boar and antelope in the art of the ancient inhabitants of Kazakhstan

Название памятника, номер кургана	Образ зверя		Изделие/ поверхность	Регион
	Кабан	Антилопа		
Камень/скала				
Урысай-2, к. 13	+	+	жертвенник	Жайык ¹
Случайная находка ²	+		жертвенник	Жайык
Сауыскандык	++		скала ³	Каратау
Тамгалы	+		скала	Жетысу
Ешкиолмес	+		скала	Жетысу
Тамураши	+		скала	К. Алтай ⁴
Байконур «В», пл. 1 ⁵		+?	скала	Сарыарка
Байконур «В», пл. 18	+?		скала	Сарыарка
Байконур «В», пл. 23	++?		скала	Сарыарка
Байконур «Д», пл. 1	++?		скала	Сарыарка
Байконур «И», пл. 7	+?		скала	Сарыарка
Байконур «И», пл. 10	+?		скала	Сарыарка
Байконур I, пл. 1		+?	скала	Сарыарка
Байконур II, пл. 9	3		скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 2	+		скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 4	+?	+?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 5	+?		скала	Сарыарка

Продолжение таблицы
Кестенің жалғасы
Continuation of table

Байконур III, пл. 7		2?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 9		+?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 12	+?	2+1?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 14		2?	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 16		+	скала	Сарыарка
Байконур III, пл. 17	+?		скала	Сарыарка
Кестелетас, валун 7		+?	валун	Сарыарка
Кестелетас, валун 10	+		валун	Сарыарка
Зынгертау, валун 2	+?		валун	Сарыарка
Кость/рог				
Сынтас I, к. 1, п. 3		+	ложка	Жайык
Сынтас I, к. 2		+	ложка	Жайык
Лебедевка	+		навершие	Жайык
Тасмола-5, к. 3	+	+	пряжка	Сарыарка
Байке-2, к. 7	+	+	футляр	Сарыарка
Нурманбет 2, к. 3	+		пронизь	Сарыарка
Металл				
Лебедевка-II, к. 6	+		зеркало	Жайык
Сынтас I, к. 1, п. 3		+	пронизь	Жайык
Бесоба, к. 5		+	пронизь	Жайык
Алматы, с.н.	+		сосуд	Жетысу
Тагискен, к. 66		+	бляшка	В. Приаралье ⁶
Каинды, с.н. (клад)		+	пронизь	Сарыарка
Тургай, с.н.		+	пронизь?	Сарыарка
Тургай, с.н.	+		пронизь	Сарыарка
Кызылшилик, к. 8		+	бляшка	Сарыарка
Талды-2, к. 5		+	ворворка	Сарыарка
Бирлик, к. 29	+		зеркало?	Сарыарка
Жыланды, к. 1	+	+?	зеркало	Сарыарка
Темирши, с.н.		+	акинак	Сарыарка
Прииртышье, с.н.		+	бляха	Сарыарка
Ушбиик, с.н.		+	пряжка	Тарбагатай
Тасарык (Урджар)		+	бляшка	Тарбагатай
Елеке сазы, к. 4 (клад)		+	накладка	Тарбагатай

Окончание таблицы
Кестенің соңы
End of table

Шиликты, к. 5	+		накладка	Тарбагатай
Берел, к. 10		+	элемент декора головного убора	К. Алтай
Курган Иссык	+	+	кинжал	Жетысу
Жалаулы, с.н.		+	бляшка	Жетысу
Алматы, с.н.		+	котёл	Жетысу
Итого случаев:	31	31		
Примечания: ¹ бассейн реки Жайык (Урал); ² далее для обозначения словосочетания «случайная находка» используется сокращение с.н.; ³ имеются в виду изображения на скальных поверхностях – петроглифы. В таблице отражены не все данные по наскальным изображениям; ⁴ Казахский Алтай; ⁵ плоскость; ⁶ Восточное Приаралье.				

В данной таблице показатели по выборке случаев с изображениями кабана и антилопы совпали* (*случайно – так как учтены не все наскальные изображения). На поверхности пяти изделий присутствуют оба образа. На предметах из Урысай-2, Байке-2, Жыланды и Иссыка – это полнофигурные изображения, из Тасмолы-5 – лишь кабан представлен целым изображением, а сайгак редуцированно – изображением головы. Материал изделий различен: камень, кость/рог (два случая), металл (два случая). Функционально также это разные категории предметов: жертвенник, пряжка, футляр, акинак и зеркало. По технике нанесения изображений присутствуют: художественная резьба (камень, кость/рог), гравировка (зеркало), а также, видимо, штамповка (пластина на клинке акинака).

Что касается остальных данных, приведенных в таблице, то необходимо отметить, что доминирующие показатели относительно материала – скальные поверхности, а среди предметов – металлические. Больше всего изделий происходит из Сарыарки. По мнению П.А. Косинцева, в доисторическое время и сайга, и кабан обитали на всей территории Казахстана [Косинцев 2015: 276].

Установлено, что зооморфное оформление жертвенников отражает их обрядовую и религиозную принадлежность, также как и форма изделия отражает религиозно-мировоззренческие представления кочевников, сам выбор видов животных для декора связан с идеей алтаря. Предполагается, что в представлениях древних кочевников южно-уральского региона животное, образ которого использован в оформлении ножек, символизировало нижний мир, «поверхность блюда – верхний, а фриз являлся разделительным символом» [Банников 2009: 167].

А.Л. Банников выделяет животных нескольких видов, выявленных в оформлении алтарей: волки (или собаки?); медведи; орлы (грифы); волко-медведи; очень стилизованные, комбинированные изображения. В этом случае хищные животные, в т. ч. обобщенные стилизованные, являлись хтоническими символами, связанными с почитанием нижнего мира, культом предков и воинским культом [Банников 2009: 168–171]. Присутствие кабана в оформлении ножек алтаря ставит этот образ в один ряд с хищниками. Но известны экземпляры, где ножки декорированы изображениями

антилопы, козла (травоядного животного) [Молчанова 2016: рис. 1, 12, 13]. Возможно, предложенная схема не универсальна.

На жертвеннике из Курайли (VI–V вв. до н.э.) ножки смоделированы в виде голов лошадей, на другом алтаре из того же памятника на бортике размещены профильные изображения хищников (волков) [Кадырбаев 1977: рис. 7; 8]. М.К. Кадырбаев считал, что каменные алтари - атрибуты культа домашнего очага и солнца [Кадырбаев 1977: 211].

К культовым атрибутам относятся и сосуды с зооморфным декором. Среди них - металлический сосуд, в оформлении которого использован образ кабана – две петли в виде скульптурных фигурок бегущего секача, носик-слив в виде головы кабана с открытой пастью, длинная ручка, заканчивающаяся стилизованной головой этого животного (с отверстиями – для подвешивания?) (V–III вв. до н.э. г. Алматы. Случайная находка. 1952 г. КП ЦГМ 8664) [Культура... 2011: 84]. Возможно, он входит в круг ритуальной зооморфной посуды, зафиксированной в конце VI – IV в. до н.э. на территории Тувы, Алтая, Южного Урала, Поднепровья. Предполагается, что такая посуда служила емкостями для кумыса, олицетворяла идею возрождения, связана с обрядами перехода, в ее оформлении использовался декор в виде животного, которое являлось охранителем сакрального напитка – кумыса, молока, крови жертвенного животного, молочно-конопляной смеси [Кисель 2013].

Хорошо известны ритуальные сосуды из Филипповки с зооморфными ручками, экземпляр в виде медведя [Золотые олени... 2001: кат. 29, 31, 71, 75, 83]. Также опубликован, например, керамический сосуд с ручкой в виде фигурки кабана, I–II вв. н.э. Крым, Керчь [Золотые олени... 2001: кат. 145, с. 161].

На территории Таджикистана и Пакистана известны миниатюрные сосуды V–III вв. до н.э. из бронзы, с зооморфно оформленными ложными носиками-сливами и ручками [Литвинский 1972: 44–50]. Зооморфный декор, оформление сосудов связаны с погребальной обрядностью древних кочевников и представлениями о потустороннем мире [Королькова 2001: 48–51].

К разряду ритуальных атрибутов относятся зеркала, особенно с гравировкой, которая усиливала их охранительные функции. Среди животных, изображения которых наносились на тыльную сторону зеркала, а также использовались для оформления ручек, – хищники, травоядные, птицы. Среди таковых есть и кабан, в т. ч. в композиции с оленем; волком и лошастью; кошачьим хищником и антилопами. Есть изображения, где кабан находится в оппозиции к хищнику. В.Д. Кубарев предполагает, что таким образом передан сюжет терзания. В целом, декор зеркал передает картину мира его владельцев. Птицы, олени, косули и лошади, козлы символизируют средний мир, фантастические хищники и кабаны – подземный [Кубарев 2002: 68, 72, 74]. Присутствие образа кабана в декоре таких изделий как алтарь, металлический сосуд и зеркало показывает, что это животное занимало свое определенное место в системе мира древнего населения.

Специалисты сходятся во мнении, что сущность кабана двоякая, объединяющая две противоположности: парнокопытное животное и свирепый зверь. Так, это проявилось в том, что, например, на оленном камне из Кош-Пея кабан изображен в зоне под поясом, символизирующем нижний мир, как хтоническое существо. На оленных камнях и плитах Тувы и Монголии известны примеры соединения в одной композиции кабанов с травоядными – оленями и козлами. В этих же регионах «представлены антитетические композиции, когда пара кабанов находится в состоянии конфронтации или между ними оказываются и другие животные». Вероятно, как условное противостояние оленей и кабанов можно «прочитать» изображения на оленном камне из Баян-Зурх [Семенов 2017: 61, 63, 66; рис. 1; 2, 3].

С такой интерпретацией разнонаправленных изображений оленей и кабанов из Баян-Зурх соотносится предположение о том, что олени, отождествляемые с культом солнца, стремятся вверх; вепри, как хищники, символы подземного мира, направляются вниз [Муршидова, Заика 2018: 131].

Об этой роли кабана в представлениях древних, вероятно, свидетельствует его изображение на футляре со сценой терзания сайгака группой хищников («загадочная картинка») [Бейсенов и др. 2017]. Не участвуя напрямую в акте, он, тем не менее, показан целой фигурой, но отстраненно, между кабаном и сайгаком расположены хищники, вепрь находится среди хищников, но им как будто «заполнено пространство», – спиной к одному кошачьему хищнику, под лапами другого. Тем не менее, его клыкастая пасть выглядит едва ли не страшнее пасти изображенных здесь хищников. Таким образом обозначена роль вепря в ряду хищников, и одновременно его двойственная природа.

Звериная, хищная сущность вепря передана в мастерски вырезанной из кости голове вепря, украшавшем навершие из мог. Лебедевка [Тасмагамбетов 2003: 164–165]: большой округлый зрачок, гипертрофированные ажурные нижние клыки, зуб/клык в приоткрытой пасти, рыло, напоминающее сморщенную в оскале верхнюю губу хищника, прижатые к голове полуовальные уши с завитком (у кабанов – стоячие удлинённые уши острой формы).

Считается, что кабан в представлениях древних кочевников олицетворял собой агрессивное начало и зло, подземный мир, смерть. О том, что кабан соотносился в картине мира населения с хищником, возможно, свидетельствует не только оформление ножек алтарей его изображением, но и то, что в петроглифах севера Минусинской котловины, например, зафиксирован сюжет с хищником, имеющим кабаньи черты или представляющим собой собирательный образ с присутствием признаков кабана. Также на сопредельных территориях – Монголии, Алтая – зафиксированы петроглифы с изображениями существ с чертами вепря [Муршидова, Заика 2018: 128–129].

Существует серия изображений синкретических существ, объединивших в себе признаки хищника и копытного животного в различных вариантах, а также хищника и кабана, обобщенный образ хищника. Так, в мог. Биш-Оба/Сара (конец VI – V в. до н.э.) известна находка ложечки из женского погребения (кург. 1). На ней изображены два животных, одно в другом. Первое животное, – внешнее, – медведь. «Внутренняя» фигура – синкретичный образ хищника и травоядного либо кабарга [Федоров 2014]. Ярким примером совмещения признаков хищника и кабана является оформление окончаний гривны из кургана 3 мог. Кичигино I (конец V – сер. IV в. до н.э.) [Переводчикова 2017]. Такие существа, широко представленные в зверином стиле Центральной Азии, демонстрируют связь различных областей скифо-сибирского мира ранних кочевников, например, Южного Урала с Центральной Азией [Федоров 2014: 64]. Сближает кабана с хищником то, что они наделены апотропеическими функциями [Семенов 2017: 66].

Ю.Б. Полидович, Е.А. Величко ставят рядом таких животных, как лев и кабан, последний считался особым жертвенным животным, пищей богов и героев [Полидович, Величко 2022: 88–89]. О семантике образа кабана в мировоззрении скифов, например, свидетельствуют изображения синкретического животного – крылатого полукабана-полульва в декоре женских головных уборов. Он связан с представлениями о жизни и смерти [Полидович, Величко 2022: 91].

Стоит обратить внимание на то, что в изображении головы кабана из Урысай-2 круглая форма глаза с выделенным большим зрачком наводит на сходство с хищником. В целом, в вепре все же уживаются два существа – копытное и хищник, это тоже своего рода синкретическое существо, но реально существующее. Возможно, это отразилось в облике ряда синкретических животных, в котором соединены черты хищника и кабана.

В целом, совмещение в образе вепря черт копытных и хищных животных, предполагает все же его медиативную роль между мирами, между хищником и жертвой. Этому не противоречит соединение в некоторых синкретических существах черт хищника и кабана. С сер. VI в. до н.э. в зверином стиле выявляются изменения, кабан выступает уже в качестве жертвы [Савинов 2020]: изображение на детали горита, кург. 1, Ак-Алаха-1 (сер. IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак 2001: рис. 123]. Сюда же, вероятно, можно отнести сцены охоты на вепря на мече из Филипповки 1, изображение кабана присутствует также на перекрестье вместе с травоядными животными, V–IV вв. до н.э. [Яблонский 2013: 86–87, кат. 296], на пряжке из Сибирской коллекции Петра I [Руденко 1962: табл. I, 5; IV, 5].

В петроглифах урочища Тамгалы образ кабана зафиксирован на плоскости по форме, близкой к стеле, где изображения животных размещены друг над другом, что находит параллели с организацией композиций на оленных камнях, на рукоятках предметов вооружения (рис. 4). За спинами кабанов, головой обращено в ту же сторону, изображение козла (?). На отколовшейся части скального выхода, впереди (слева по отношению к зрителю) – еще одно изображение кабана⁴.

Из элитарного памятника Аржан 2 (сер. VII в. до н.э.) происходит большое количество блях, деталей изделий, выполненных в виде кабана или содержащих таковые изображения: бляшки от горита в виде фигурок кабанов [Чугунов и др. 2017: табл. 16; 17, 16–18; 44]; гривна: декорирована рядами животных, бегущих вправо и влево, изображены двугорбые верблюды, дикие кабаны, взнузданные лошади, козлы, бараны, кошачьи хищники, олень [Чугунов и др. 2017: табл. 36]. Первый ряд состоит из чередующихся групп из 3–5 верблюдов и диких кабанов с кошачьими хищниками на концах, второй ряд – чередующиеся козлы и бараны, одна лошадь; третий ряд – группы лошадей и кошачьих хищников сменяют друг друга. Кабаны и единственная на всей гривне фигурка оленя украшают концы ряда. Четвертый ряд состоит из фигурок козлов, кошачьих хищников и группы баранов [Чугунов и др. 2017: 39]. Декоративная пластина на окончании ножен кинжала: кошачий хищник, копытное животное (оленуха?), козел, еще один согнувшийся кошачий хищник, копытное (оленуха?), кабан, баран, трудно распознаваемое животное [Чугунов и др. 2017: 47; табл. 13, 9]. Шпилька с навершием в виде полушаровидной головки, поверхность стержня которой украшена орнаментом – витой фриз с изображениями животных: коза, зебу, коза, дикий кабан, олень, коза, зебу, лошадь, баран, олень, кошачий хищник, коза, олень, дикий кабан, верблюд и снова олень [Чугунов и др. 2017: 58; табл. 55]. Пектораль: «по внутреннему краю справа налево следуют один за другим пять коз, один кошачий хищник (или волк), коза, баран, кабан, четыре козы» [Чугунов и др. 2017: 68]. В материалах из кургана Аржан 1 (рубеж IX – VIII вв. до н.э.) анализируемый персонаж встречен в декоре кинжала – фигура кабана помещена на навершии [Грязнов 1980: рис. 11, 3, 4].

В отличие от более позднего кинжала из кургана Иссык, в декоре предметов из кургана Аржан 2 изображение кабана расположено преимущественно между рисунками травоядных животных. В раннесакских примерах изображения кабана отмечены как среди травоядных, в сочетании с хищной птицей (Нурманбет-2, кург. 3), так и среди хищников (Байке-2).

Оппозиция «кабан и кошачий хищник» проиллюстрирована в петроглифах местонахождения Сауыскандык и рассматривается О.С. Советовой как пример антитетической композиции [Советова 2011: 387, рис. 1, б]. Изображены три пары животных: кошачий хищник и кабан, далее кабан и хищник и третья пара – кошачий хищник и хищник. Внизу композиции расположены изображения

⁴ Благодарим А.Е. Рогожинского за предоставленные фотографии.

двух оленей с ветвистыми рогами, развернутые спинами в противоположные стороны, головы обращены назад – друг к другу.

В вопросе взаимоотношения кабана и хищника, кабана и травоядного животного интерес представляет башадарская колода. Тигры, представленные на стенке колоды, показаны движущимися вправо по отношению к зрителю; на крышке колоды они идут влево. Л.Л. Баркова отмечает, что в целом картина представлена в следующем виде: первый тигр идет влево, на запад по отношению к могиле, три других следуют за ним. Вырезанные на стенке колоды звери продолжают начатое движение вверх по спирали. Обе сцены можно рассматривать как «единую многофигурную композицию, началом которой являются изображения на крышке колоды» [Баркова 1984: 87]. В композиции присутствуют три лося (лосихи? или сайга?), поверженные тиграми – на крышке (два) и на стенке колоды.

Горные бараны в жертвенной позе (три) показаны под лапами тигров на крышке колоды. Л.Л. Баркова отмечает, что в организации изображений прослеживаются верх, низ, правая, левая стороны, а «противопоставление в направлении голов хищников и копытных пронизывает всю композицию строгим чувством ритма и подчёркивает присущий ей динамизм» [Баркова 1984: 88]. Выявленный сюжет шествия животных и развёртывание действия по поясам находит соответствие в рельефных композициях древнего Востока [Баркова 1984: 88].

Как шествие животных, замкнутую круговую циклическую композицию рассматривает изображения на крышке и стенке колоды Л.С. Марсадолов. В основе ее лежат представления о «постоянном природно-сакральном круговороте», связанные с неразрывностью жизни и смерти, образы хищников и копытных на саркофаге составляли «главную идею годового календарного круга-цикла» населения сер. I тыс. до н.э. [Марсадолов 2020: 137, 146].

Шествие хищных животных напоминает о вереницах барсов, бычков, верблюдов, фигурки которых расположены по бортикам курильниц и жертвенных столов юго-востока Казахстана и Кыргызстана, а также хищника на венчике медного котла. Возможно, и на колоде, по сути, передано движение тигров по кругу. В таком случае бараны и лоси (за исключением одного) находятся внутри сакрального пространства. В отношении культовых бронз, связанных с отправлением обря-

Рис. 4. Тамгалы. Изображения кабанов
4-сур. Тамғалы. Қабандардың бейнелері
Fig. 4. Tamgaly. Images of boars

дов, в т. ч. погребально-поминального характера, почитания предков, шествующие по кругу звери – охранители этого пространства с жертвой в его центре или священным огнем, здесь – и охранители, и терзатели. И, может быть, соотносится декор колоды с оформлением седельных покрытий, где по обеим сторонам расположены хищники, фантастические орнитоморфы, а в центре образуемой композиции – терзаемые травоядные, вместе с виртуальным седоком, уносимым конем в иной мир (напр.: [Самашев 2011: рис. 29, 385, 390; Алтынбеков и др. 2019; Джумабекова, Базарбаева 2019; Bazarbayeva, Jumabekova 2021]).

Кроме того, определенная параллель прослеживается с группой оленных камней (3 класс), где фигуры хищников сворачиваются в **круг** (выделено авт.) или в спираль в орнаментальном поле при создании композиции с оленями [Килуновская, Семенов 1999: 136].

Также на крышке колоды кабаны показаны в ряду с травоядными животными, под ногами хищников, но в оппозиции к ним – развернуты в противоположную сторону. Возможно, здесь идея перекликается с той, которая выражена на оленных камнях, учитывая предполагаемую их семантику – полифункционального медиатора между мирами живых и мертвых. Оленные камни с антропоморфными мотивам могли замещать человеческое жертвоприношение [Килуновская, Семенов 2018: 57].

В представленной схеме иерархии изображений копытных животных в саяно-алтайском варианте раннего этапа звериного стиля кабан расположен между травоядными (олень, козел) и хищниками [Савинов 2020: рис. 4]. В этот период он наделен общественной – военно-оборонительной – функцией [Савинов 2020: 38–41].

Каменные алтари [Банников 2009: 173], бронзовые (медные) курильницы, жертвенные столы, котлы, как и оленные камни, очевидно, связаны с погребальным ритуалом, схожей схемой моделирования сакрального пространства, передачей определенным bestiарием и топографией образов представления о строении мира. Само обнаружение этих артефактов в погребальных комплексах подразумевает такое предположение. К схожему выводу приходит В.К. Федоров: декор, условия находок каменных алтарей свидетельствует, скорее, об их сакральной функции [Федоров 2000].

4 Заключение (Антонов М., Джумабекова Г.)

Таким образом, результаты проведенного анализа с использованием междисциплинарных исследований позволяют подробно изучить поверхность артефакта. Данные подходы не являются инновационными, однако использование таких или схожих методов распространено в научной сфере, в частности в археологии. Опробованная методика может оказаться полезной в дальнейших исследованиях (напр.: применение карты кривизны, для моделей с более плотным количеством полигонов в коллективной работе с трасологами).

Изучение стилистических особенностей декора предмета делает невозможным четко разделить символику образа вепря на протяжении нескольких веков от раннесакского времени. В памятниках всего скифо-сакского периода отмечены их изображения как в оппозиции к травоядным и хищным животным, так и в одном ряду с другими копытными, а также в качестве жертвы. Эта позиция вепря, а также наличие синкретических существ с признаками хищника и кабана, свидетельствуют о его двойственной природе в мировосприятии древних кочевников. Оформление ножек алтаря в качестве головы вепря может говорить о его медиативной роли в обрядах перехода.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- 2 Алтынбеков К., Железнякова В.Л., Алтынбекова Э.К. Новый образец древнего искусства из Казахского Алтая // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 100-114.
- 3 Антонов М.А. Текелийская буддийская стела: исследование методом фотограмметрии // Маргулановские чтения – 2018: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: ИА КН МОН РК, 2018. С. 606-612.
- 4 Антонов М.А. Программное обеспечение для создания реконструкций в археологии методом трехмерного моделирования // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. Т. 3. С. 153-158.
- 5 Банников А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретаций изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 167-175.
- 6 Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 83-89.
- 7 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. 168 с. и цв.ил.
- 8 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан) // КСИА. 2017. № 248. С. 134-148.
- 9 Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 156 с.+46 с. цв. ил.
- 10 Бейсенов А.З., Минасян Р.С. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 60-64.
- 11 БРЭ – Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geology/text/2776969> (дата обращения: 23.01.2023 г.).
- 12 Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
- 13 Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- 14 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- 15 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 115-127.
- 16 Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г.-20.I.2002 г. СПб: Славия, 2001.
- 17 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-433.
- 18 Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. 1977. № 3. С. 204-212.
- 19 Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
- 20 Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 130-146.
- 21 Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А. Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 50-59.
- 22 Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 51-64. (Радловский сборник).
- 23 Королькова Е.Ф. Ритуальная посуда кочевников // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г.-20.I.2002 г. СПб: Славия, 2001. С. 48-51.

- 24 *Косинцев П.А.* Промысловые млекопитающие степной зоны Казахстана в голоцене // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сб. научн. статей, посвящ. 70-летию В.Н. Логвина / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы; Костанай: ИА КН МОН РК, 2015. С. 274-280.
- 25 *Кубарев В.Д.* Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 63-77.
- 26 Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях ЦГМ РК. Научный каталог. Алматы: Онер, 2011. 320 с.
- 27 *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 272 с.
- 28 *Лукпанова Я.А.* Исследования курганного комплекса Урысай-2 // Археология Казахстана. 2022. № 2 (16). С. 74-93. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.74.93](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.74.93)
- 29 *Марсадоллов Л.С.* Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 127-150.
- 30 *Молчанова В.В.* Традиции зооморфного оформления каменных жертвенников Южного Урала в VI–IV вв. до н.э. // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. М-лы IX Междунар. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова (г. Оренбург, 12–15 мая 2016 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 184-188.
- 31 *Муришидова М.А., Заика А.Л.* Образ кабана-хищника в петроглифах Среднего Енисея // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Вып. IX. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 127-136.
- 32 *Новоженков В.А.* Петроглифы Сары-Арки. Алматы: ИА КН МОН РК, 2002. 125 с.
- 33 *Полідович Ю.Б., Величко Є.О.* Крилатий кабан: образ на перетині скіфської, іранської та давньогрецької міфологій // Shodoznavstvo. 2022. № 89. С. 73-106.
- 34 *Переводчикова Е.В.* Гривна с изображениями в зверином стиле из кургана 3 у села Кичигино // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) научн. конф. (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.) / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. С. 106-110.
- 35 *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 2001. 336 с.
- 36 *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
- 37 *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.
- 38 *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I / САИ ДЗ-9. М.; Л.: АН СССР, 1962. 52 с.+27 табл.
- 39 *Советова О.С.* Геральдические (антитетические) композиции в наскальном искусстве // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 386-388.
- 40 *Савинов Д.Г.* Иерархия копытных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля // ДИАЛОГ 2018–2017. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: М-лы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (СПб., 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. научн. статей / Отв. ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 32-51.
- 41 *Самашев З.* Петроглифы Казахстана. Алматы: Онер, 2006. 200 с.
- 42 *Самашев З.* Берел. Алматы: изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.
- 43 *Сеитов А.М.* Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 264–270.
- 44 *Семенов Вл.А.* Кабан: «Копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 61-73.
- 45 *Тасмагамбетов И.* Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел», 2003. 336 с.

- 46 Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 1. С. 49-75.
- 47 Федоров В.К. Изображение «копытного хищника» на костяной ложечке из могильника Сара в Восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 55-65.
- 48 Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Саускандык в Южном Казахстане // Вестник КарГУ. Сер. история, философия, право. 2008. № 4 (52). С. 22-26.
- 49 Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. 1947. IX. С. 251-282.
- 50 Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.
- 51 Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- 52 Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.: ил.
- 53 Bazarbayeva G.A., Jumabekova G.S. On the study of the scenes of torment in the art of people of Pazyryk culture based on materials from kurgan 11 of the Berel graveyard in the Kazakh Altay // Archaeology and Early History of Ukraine. 2021. No. 4 (41). P. 107–120. DOI: 10.37445/adu.2021.04.08
- 54 Gatzke T., Grimm C., Garland M., Zelinka S. Curvature Maps For Local Shape Comparison // Conference: Shape Modeling and Applications. 2005. DOI:10.1109/SMI.2005.13

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Kurgan Issyk. The Art of the Sakas of Kazakhstan)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- 2 Altynbekov, K., Zheleznyakova, V. L., Altynbekova, E. K. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (29), 100-114 (in Russian).
- 3 Antonov, M. A. 2018. In: Bisseмбаев, A. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan readings–2018)*. Almaty; Aktobe: Margulan Institute of Archaeology, 606-612 (in Russian).
- 4 Antonov, M. A. 2021. In: Onggar, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2018)*. Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 153-158 (in Russian).
- 5 Bannikov, A. L. 2009. In: Pavlinskaya, L. R. (ed.). *Sibirskiy sbornik-1 (Siberian collection-1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 167-175 (in Russian).
- 6 Barkova, L. L. 1984. In: *Arheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*, 25, 83-89 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2015. *Iskusstvo sakov Saryarki (The art of the Sakas of Saryarka)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbay, D. B. 2017. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)*, 248, 134–148 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z., Mariyashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the early Iron Age of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 10 Beisenov, A. Z., Minasyan, R. S. 2015. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 58, 60-64 (in Russian).
- 11 BRE – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya (Large Russian encyclopedia). URL: <https://bigenc.ru/geology/text/2776969> (accessed: 23.01.2023) (in Russian).
- 12 Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyi Pazyrykskiy kurgan (The first Pazyryk kurgan)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 13 Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskijskogo vremeni (Arzhan. The Royal burial mound of the Early Scythian time)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 14 Dvoretzkiy, I. H. 1976. *Latinsko-russkiy slovar (Latin-Russian dictionary)*. Moscow: “Russkiy yazyk” Publ. (in Russian).

- 15 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (29), 115-127 (in Russian).
- 16 Zolotyie oleni Evrazii. 2001. *Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage museum)*, Saint Petersburg, 18.10.2001 – 20.01.2002. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).
- 17 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303-433 (in Russian).
- 18 Kadyrbayev, M. K. 1977. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 3, 204-212 (in Russian).
- 19 Kadyrbayev, M. K., Mariyashev, A. N. 1977. *Naskalnye izobrazheniya khrebta Karatau (Rock carvings of the Karatau ridge)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 20 Kilunovskaya, M. E., Semyonov, Vl. A. 1999. In: *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*, 6, 130-146 (in Russian).
- 21 Kilunovskaya, M. E., Semyonov, Vl. A. 2018. In: *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury RAN (Notes of the Institute for the History of Material Culture of the RAS)*, 18, 50-59 (in Russian).
- 22 Kisel, V. A. 2013. In: *Radlovskiy sbornik (Radlov collection)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 51-64 (in Russian).
- 23 Korolkova, E. F. 2001. In: *Zolotyie oleni Evrazii. Katalog vystavki v Gos. Ermitazhe (Golden deer of Eurasia. Exhibition catalog in the State Hermitage museum)*, Saint Petersburg, 18.10.2001 – 20.01.2002. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ., 48-51 (in Russian).
- 24 Kosintsev, P. A. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya Step: chast i tseloe (Ancient Turgay and the Great Steppe: part and whole)*. Almaty; Kostanay: Margulan Institute of Archaeology, 274-280 (in Russian).
- 25 Kubarev, V. D. 2002. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 3, 63-77 (in Russian).
- 26 *Kultura sakov i usuney Kazakhstana v arheologicheskikh kollektsiyah TsGM RK. Nauchnyi katalog (The culture of the Sakas and Usuns of Kazakhstan in the archaeological collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Scientific catalog)*. 2011. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
- 27 Litvinskiy, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient nomads of the “Roof of the world”)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 28 Lukpanova, Ya. A. 2022. In: *Kazakhstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 74-93. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.74.93](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.74.93) (in Russian).
- 29 Marsadolov, L. S. 2020. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 3 (24), 127-150 (in Russian).
- 30 Molchanova, V. V. 2016. In: Yablonskiy, L. T. Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arheologii (Konstantin Smirnov and modern problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 184-188 (in Russian).
- 31 Murshidova, M. A., Zaika, A. L. 2018. In: Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri (Antiquities of the Yenisei river region in Siberia)*. Vol. 9. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 127-136 (in Russian).
- 32 Novozhenov, V. A. 2002. *Petroglify Sary-Arki (Petroglyphs of Saryarka)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 33 Polidovich, Yu. B., Velichko, E. O. 2022. In: *Shodoznavstvo*, 89, 73-106 (in Russian).
- 34 Perevodchikova, E. V. 2017. In: Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzenie (Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their environment)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 106-110 (in Russian).
- 35 Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka (Ukok Cavaliers)*. Novosibirsk: “INFOLIO-press” Publ. (in Russian).
- 36 Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

- 37 Rudenko, S. I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Central Altai in the Scythian time)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 38 Rudenko, S. I. 1962. *Sibirskaya kolleksiya Petra I (Siberian collection of the Peter the Great)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 39 Sovetova, O. S. 2011. In: Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo siezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress)*. Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 386-388 (in Russian).
- 40 Savinov, D. G. 2020. In: Levanova, E. S., Smirnov, N. Yu. (eds.). *DIALOG 2018–2017*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 32-51 (in Russian).
- 41 Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazahstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
- 42 Samashev, Z. 2011. Berel. Almaty: “Taymas” Publ. (in Russian).
- 43 Seitov, A. M. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 264-270 (in Russian).
- 44 Semyonov, V. A. 2017. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*, 247, 61-73 (in Russian).
- 45 Tasmagambetov, I. 2003. *Kentavry Velikoy stepi. Hudozhestvennaya kultura drevnih kochevnikov (Centaur of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads)*. Almaty: “Berel” (in Russian).
- 46 Fedorov, V. K. 2000. In: *Ufimskiy arheologicheskii vestnik*, 1, 49-75 (in Russian).
- 47 Fedorov, V. K. 2014. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 3 (59), 55-65 (in Russian).
- 48 Shvets, I., Samashev, Z., Murgabayev, S., Bedelbayeva, M. 2008. In: *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. istoriya, filosofiya, pravo (Bulletin of the Karagandy State University. Ser. history, philosophy, law)*, 4 (52), 22-26 (in Russian).
- 49 Chernikov, S. S. 1947. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 9, 251-282 (in Russian).
- 50 Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos «skifskoe iskusstvo» (The Riddle of the Golden Mound. Where and when the “Scythian art” was born)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 51 Chugunov, K. V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial mound of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 52 Yablonskiy, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdov. Elitnyi nekropol Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009). Katalog kolleksii. Kn. 1. (Gold of the Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka I (based on the materials of excavations 2004–2009). Collection catalog. Book 1)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 53 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2021. In: *Archaeology and Early History of Ukraine*, 4 (41), 107-120. DOI: 10.37445/adiu.2021.04.08
- 54 Gatzke, T., Grimm, C., Garland, M., Zelinka, S. 2005. Conference: Shape Modeling and Applications. DOI:10.1109/SMI.2005.13

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.02.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.02.2023.

